

рую, идущую еще от античности, традицию, выраженную тезисом «подобное познается подобным», но и в типичной для него манере подчеркивает активный характер нашего познания¹⁴, представляющего собой преобразовательную и конструктивную деятельность.

¹ Gram M. S. Must Transcendental Arguments be Spurious?//Kant-Studien, 1974. Jg. 65. H. 3. S. 312.

² Arndt S. W. Transcendental Method and Transcendental Arguments//International Philosophical Quarterly, 1987. Vol. XXVII. N.-Y. P. 54.

³ Walker R. C. S. Kant. London, 1982. P. 20—21.

⁴ Arndt S. W. Op. cit. P. 57.

⁵ Moore G. E. Proof of an External World//Philosophical Papers. London, N.-Y., 1959. P. 127.

⁶ См.: Strawson P. F. The Bounds of Sense. An Essay on Kant's Critique of Pure Reason. London, 1966.

⁷ См.: Wittgenstein L. On Certainty (Über Gewissheit). Oxford, 1969.

⁸ Genova A. C. Good Transcendental Arguments//Kant-Studien, 1984. Jg. 75. H. 4. S. 484.

⁹ Хинтикка Я. Кванторы, языковые игры и трансцендентальные рассуждения//Логико-эпистемологические исследования. М., 1980, С. 301.

¹⁰ Genova A. C. Op. cit. P. 490.

¹¹ Кант И. Логика//Трактаты и письма. М., 1980. С. 358.

¹² Arndt S. W. Op. cit. P. 58.

¹³ Palmer H. Do Circular Arguments Beg the Question?//Philosophy. 1981. Vol. 56. N 217.

¹⁴ Как правильно отмечает Хинтикка, «трансцендентальным для Канта является тот аргумент, который демонстрирует возможность определенного вида синтетические знания, показывая, что оно зависит от той самой нашей активности, с помощью которой обретается это знание» (Hintikka J. Transcendental Arguments: Genuine and Spurious//Nous. 1972. Vol. 6. 275).

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

А. Дегулис

(Институт философии, социологии и права АН Лит. ССР)

Состояние современной аналитической философии в некоторых существенных отношениях напоминает состояние докантовской философии. Противостояние в ней позиции натурализма («натурализованной» философии У. Куайна)¹ и позиции — условно-концептуального идеализма (по названию книги Н. Рещера)² если не тождественно, то аналогично противостоянию эмпиризма Локка и рационализма Лейбница.

Здесь, как и там, противостояние имеет место в силу того, что каждая из сторон находит слабые места у противной стороны в деле истолкования и критической оценки наших (до-философских) представлений о действительности. Речь идет о системе представлений, связанных в общее представление о едином временно-пространственном, причинно связанном мире. Назовем это представлением эмпирического реализма. Для

натуралиста оно является лишь предельным обобщением частного, эмпирического знания, и, следовательно, его достоверность есть достоверность общих, но лишь эмпирических положений. На это его критики резонно отвечают, что положения эмпирического реализма не могут быть обоснованы эмпирически, ибо такое обоснование *предполагает* истинность эмпирического реализма. На следующем шагу критики утверждают, что любое обоснование предполагает незыблемость определенной концептуальной системы и что не может быть обоснования концептуальной системы в целом — любое обоснование является внутриконцептуальным делом. Наконец, они утверждают, что понятие действительности основано на понятии обоснования и поэтому само является внутриконцептуальным понятием, т. е. что понятие о единой объективной действительности является пустым понятием.

Таким образом, однако, открывается простор для неконтролируемой философской спекуляции, и, естественно, именно в этом натуралист находит слабое место своего противника, и полемика начинает новую спираль.

Как известно, именно в контексте такой же дилеммы Кант выдвигает особый метод обоснования — метод трансцендентального анализа, — призванный заменить «эмпирическую дедукцию» и одновременно предотвратить эмпирически неконтролируемые спекуляции о действительности. Поскольку эта дилемма неизбежно возникает и в современных дискуссиях, нет ничего удивительного в том, что многим их участникам «трансцендентальные аргументы кажутся единственной надеждой для философии как автономной критической дисциплины»³. И действительно, так как трансцендентальная аргументация Канта направлена на выявление необходимых условий возможности опыта и так как современное представление о концептуальной системе в определенной мере возрождает идею таких условий, метод трансцендентальной аргументации, естественно, напрашивается как средство спецификации определенной концептуальной системы, так и доказательства ее правомочности.

Не существует, однако, общепринятого толкования этой аргументации — отчасти, возможно, и потому, что сам Кант дает множество поводов для разночтений. Тем не менее все ее допустимые толкования должны удовлетворять по крайней мере двум негативным условиям: во-первых, ее послыжки не могут содержать априорных положений о действительности (таковые, если они имеются, должны быть в числе его следствий), во-вторых, ее послыжки не могут быть ограничены лишь апостериорными, эмпирическими положениями о действительности (таковые не обладали бы доказательной силой в отношении тезиса о необходимых условиях опыта). В терминологии Канта это равнозначно требованиям того, чтобы метод был «прогрессивным» и чтобы он не сводился лишь к «эмпирической дедукции».

Для позитивного определения посылок, удовлетворяющих этим требованиям, следует дополнительно специфицировать смысл кантовского термина «трансцендентальное условие». Ставя вопрос об априорных — необходимых и всеобщих — условиях опыта, Кант различает материальные условия возможности опытного знания (то, что он иногда называет «физиологией» познания) и такие условия, которые по контрасту можно назвать формальными. Первые могут быть установлены лишь путем эмпирического исследования и поэтому не являются априорными в том смысле, что их знание необходимо для возможности опыта. Иначе обстоит дело с условиями второго рода, знание которых должно быть предположено в самом понятии опыта. Попытка установить их наличие эмпирическим путем являлась бы противоречивой, так как она предполагала бы, что знание того, что есть эмпирический опыт, может быть результатом познавательной процедуры, в которой такое знание отсутствует. Следовательно, знание того, что есть опыт как эмпирическое знание, необходимо присутствует в любом акте опыта, являясь формальным (независимым от какого-либо содержания опыта) и трансцендентальным (необходимым для любого содержания) условием возможности опыта. Соответственно как предпосылка обладания любым опытом это знание заключено в самом понятии опыта и может быть эксплицировано из него аналитическим путем.

Таким образом, трансцендентальная аргументация предстает в виде аналитического аргумента от посылки наличия опыта к следствию о необходимых предпосылках, заключенных в его понятии. Соответственно доказательство правомочности определенной концептуальной системы предстает как доказательство того, что ее принципы принадлежат к числу таких предпосылок.

Очевидно, что результаты так истолкованного трансцендентального аргумента не будут зависеть от каких-либо априорных положений о действительности, так как они методически устранены из числа его посылок, но они будут зависеть от того, как определяется понятие опыта. Согласно кантовскому принципу «Должно быть *возможно*, чтобы я *мыслю* сопровождало все мои представления» (3, 191) говорить об опыте в переносном смысле этого слова — значит говорить о сознательном опыте; сознательный же опыт — это тот опыт, который выражается эмпирическим суждением. Опыт необходимо обладает сужденческим или — как говорится в настоящее время — пропозициональным характером, и именно в этой форме он является объектом кантовской аналитики.

Таким образом, там, где эмпирист сетует на невозможность обосновать фундаментальные представления о действительности опытным путем, а рационалист вообще не обращает внимания на опыт, критический философ берется доказать, что они не-

обходимо заложены в понятии опыта. При этом эмпирист в данном случае — это не обязательно Юм и Локк; это может быть У. Куайн, для которого такие представления суть не более чем «сподручные мифы». Соответственно критический философ — это не обязательно Кант; в его роли может выступать П. Стросон или У. Селларс, издавна призывающие аналитическую философию в лоно трансцендентальной философии. Кроме того, критический философ — это не обязательно идеалист. Скорее, наоборот: использование трансцендентальных аргументов обычно имеет целью либо опровержение идеализма того или иного рода, либо доказательство реализма того или иного рода, не исключая материализм. Ценность таких аргументов (разумеется, если они корректны) заключается в том, что их посыпки ограничиваются лишь такими допущениями, которые приемлемы даже для идеалиста, и именно поэтому опровержение его позиции в данном случае являлось бы конечным. Итак, возможность (сознательного) опыта предполагает все те условия, которые конститутивны для способности суждения. Парадигматическим выражением этой способности является утвердительная (ассерторическая) речь⁴. Более того, само понятие суждения следует считать абстракцией от понятия утвердительного предложения. Следовательно, кантовскую аналитику способности суждения можно представить как семантику ассерторической речи. Этим первая не принижается (скорее возвышается вторая), а лишь высвобождается от тех дуалистических представлений, которые заложены в традиционном понятии суждения. Этим также не предполагается, что где-то уже существует семантически трансформированная преемница кантовской аналитики. Тем не менее, как мы видели, потребность в таковой очевидна при рассмотрении современной аналитической философии, и именно эту потребность призвана удовлетворить дисциплина, способная «обрисовать общие признаки, которыми должна обладать любая концептуальная система для того, чтобы она могла порождать знание о том мире, к которому она сама принадлежит»⁵. Поскольку такую цель ставит себе философия языка (теория значения или формальная семантика), она предполагает преемственность кантовского подхода к проблеме обоснования, хотя и не обязательно преемственность конкретных решений.

Итак, требуется выявление необходимых условий возможности опыта в предположении, что именно принципы эмпирического реализма обладают статусом таковых. То, что (эмпирический) опыт вообще возможен и, более того, фактически наличен, является общим местом для всех сторон философского спора о его основаниях. Разногласия начинаются там, где возникает вопрос, насколько далеко простираются его правомочия, его способность обосновывать наши познавательные претензии. В контексте этого спора тезис критической философии можно

представить так: возможность даже минимально ограниченного опыта, — при условии, что он обладает пропозициональной структурой, — необходимо предполагает использование определенных «категориальных» понятий и принципов, определяющих концептуальную систему эмпирического реализма. Иначе говоря, понятия и принципы эмпирического реализма априорны по отношению к любому возможному опыту.

Кант неоднократно подчеркивает, что никакое эмпирическое понятие не является безусловно необходимым для опыта вообще. Следовательно, если существуют правомерные априорные понятия, то они должны быть такими понятиями, которые фигурируют в любом опыте и поэтому определяют лишь то концептуальное пространство (единство апперцепции), которое необходимо для осознания «объекта опыта вообще». Но что представляют собой эти понятия, если они не являются понятиями конкретных объектов? Они не могут быть просто наиболее общими понятиями конкретных объектов, ибо в таком случае они отличались бы от менее общих понятий лишь степенью общности и тем самым принадлежали бы к классу эмпирических понятий, в котором все равны перед «трибуналом опыта». Без особой натяжки кантовское решение этой проблемы можно представить следующим образом: априорными являются те понятия, которые выражают логическую функцию любых понятий в суждении. Таким образом категории априорны по отношению к опыту в том смысле, что они выражают формы понятий, а не просто какие-то наиболее общие понятия.

Поясним это различие более подробно. Как, например, может быть определено понятие «объект» (которое соответствует кантовскому несхематизированному понятию субстанции)? Оно не может быть введено как последний член ряда субординированных понятий, наподобие ряда «тигр», «животное», «живое существо»,..., «объект», так как в таком случае оно ничего не определяло бы. Всё и вся является объектом; невозможно выделить какую-то область объектов как объектов и противопоставить ей какую-либо другую область объектов. Это значит, что понятие объекта возможно лишь как понятие формального метаязыка, а не как дескриптивное, содержательное понятие предметного языка, т. е. оно может быть введено только посредством металингвистической дескрипции, наподобие «то, что обозначает именной, сингулярный, термин предложения», или «то, что является субъектом возможной предикации».

Такая же трактовка распространяема на все категориальные понятия кантовской таблицы — в той мере, в какой она вообще приемлема с точки зрения современных методов формализации языка. В силе, однако, остается положение о металингвистическом статусе категориальных понятий: «В противоположность тому, чтобы быть *summa genera* объектов «в мире», — что принудило бы нас истолковать свойства, отношения и т. п. как

эмпирические объекты, — категории являются *summa genera* концептуальных единиц»⁶. Соответственно, доказательство того, что какие-то понятия необходимы для возможности любого опыта, тождественно доказательству того, что использование концептуальных единиц определенного рода необходимо предположено даже в элементарном эмпирическом суждении.

«Мысль о мире, — утверждает П. Стросон, — требует общих понятий; мысль о мире требует их применения в конкретных случаях. Это отражается во внутренней структуре несложных и негенерализированных высказываний, в различии между индивидуальными переменными и предикатными буквами. ...Фундаментальной формой высказывания является высказывание о том, что определенное понятие имеет применение в каком-то конкретном случае»⁷. Так как понятие — это то, что выражается предикативным термином, конкретный случай его применения — то, что указывается (идентифицируется) сингулярным термином, а мысль о мире — то, что выражается соответствующим утвердительным предложением, то априорное условие возможности элементарных эмпирических суждений — это то знание, которое необходимо заключено в понимании значения простейшего утвердительного предложения. Однако предложение в роли утверждения есть не что иное как претензия на истинность с предпосылкой способности удостоверения в ней.

Поэтому следует предположить, что как бы до эксплицитного знания каких-либо истин мы располагаем имплицитным и в этом смысле априорным знанием правил удостоверения предпологаемых истин. Очевидно, что в последнем случае мы имеем дело со знанием иного рода, нежели в первом случае, — с практической способностью правилосообразно действовать, не обязательно сопровождаемой способностью эксплицитно формулировать правила этого действия. К примеру, если дано: «Все *A* суть *B*» и «Это — *A*», то отсюда выводится «Это — «*B*» в соответствии с определенным правилом, которое само не фигурирует среди посылок вывода и все же является фундаментальной основой вывода. Разумеется, это правило может быть выражено (необходимо истинным) утверждением и включено в умозаключение в качестве дополнительной посылки. Но это не значит, что тем самым оно лишится статуса правила — оно же будет фигурировать в качестве основы вывода от нового множества посылок к следствию, как это четко показано в известном парадоксе Л. Кэррола. Дедуктивная способность заключается, скорее, в способности делать выводы, нежели в знании каких-то истин, — просто потому, что не может быть речи о знании истин там, где отсутствует способность удостоверения суждений путем инференциального развертывания. Это знание беспредпосылочно и априорно в том смысле, что любое утверждение (возможная посылка) должно быть уже охвачено инференциальными отношениями с другими для того, чтобы

оно вообще могло выступать в качестве утверждения, т. е. возможной посылки. В этом же смысле о нем можно говорить как о трансцендентальном условии возможности содержательных утверждений. Это знание конститутивно для знания значения формообразующих элементов языка, и именно оно определяет собой то, что можно назвать областью формального априори. Но значением обладают не только формообразующие элементы языка, логические термины, им обладают в равной мере внелогические, дескриптивные термины. Естественно, напрашивается вопрос, исчерпывается ли область априори областью формального априори, или, быть может, имеется также область того, что можно было бы назвать областью дескриптивного «материального» априори? Говоря постулативно, аналогично тому, как знание значения логических терминов первично проявляется в способности действовать в согласии с формальными правилами вывода, так и знание значения дескриптивных терминов первично проявляется в способности действовать в согласии с теми правилами вывода, которые вслед за У. Селларсом можно назвать материальными правилами вывода⁸. Номологические, законоподобные положения, представляют собой «принципы, в соответствии с которыми мы рассуждаем, а не просто посылки, из которых мы исходим в рассуждении»⁹. Придавать номологический статус какому-то положению, значит придавать ему статус материального правила вывода, которое конститутивно для значения дескриптивных терминов, фигурирующих в нем.

Необходимы ли номологические положения для возможности опыта? Попытаемся схематически обосновать положительный ответ. Поскольку восприятие является сужденческим актом, оно необходимо подлежит эпистемической оценке в терминах истинности, в частности, в терминах различия «видимости» и «видения». Известно, что видимость феноменально не отличается от видения, — поэтому если суждения восприятия основывались бы лишь на феноменальных «данных», то никакое различие между видимостью и видением не существовало бы. И наоборот, поскольку оно существует, являясь необходимой чертой любого сужденческого акта, оно требует иных, нежели феноменальных, оснований. Ограничимся схематичным примером: суждение « Pa » выражает лишь видимость (является ложным), если известно, что все P необходимо суть Q , и, кроме того, известно, что $\sim Qa$. Почему знание того, что $\sim Qa$, свидетельствует о том, что « Pa » выражает лишь видимость, а не действительность? Только потому, что положение «Все P суть Q » обладает номологической силой, а не просто силой индуктивного обобщения. Если бы оно обладало лишь силой последнего, то конъюнкция « Pa и $\sim Qa$ » могла бы прежде всего быть обращена против него, а не против достоверности восприятия. Казалось бы, что достоверность любого восприятия могла бы быть куплена ценой

отказа от каких-либо законоподобных обобщений. Однако такое низведение всех законоподобных положений до уровня простых обобщений в действительности имело бы не спасительные, а губительные следствия для суждений восприятия — ибо, утрачивая таким образом какие-либо выводные связи с другими суждениями, они тем самым лишились бы статуса собственно суждений. Следовательно, фундаментальное эпистемическое различие между видимостью и достоверным восприятием невозможно без использования номологических зависимостей, заключенных в предикативных ресурсах языка.

Далее: требуются средства различения между применением предиката « P » к одному и тому же P и его применением к другому P ¹⁰. В отсутствии таковых не могло бы быть речи о правильности его применения и каком-либо различии истинности или ложности утверждения. Действительно, в отсутствии критериев различения числа *предикаций* от числа *объектов* предикаций, числа «явленностей» от числа «явленного» любое применение предиката стало бы, так сказать, самоверифицирующимся, ибо ничто не могло бы воспрепятствовать применению комплементарного предиката представить как предикацию относительно другого объекта. Но о каком предикативании или утверждении может идти речь там, где применение определенного предиката совместно с применением любого другого, где смена характеристики объекта не отличима от смены объекта? Таким образом, функция характеристики не может иметь места изолированно от функции идентификации сингулярного термина.

Идентифицировать нечто — значит в конечном счете установить ситуацию удостоверения истинности утверждения или, что то же самое, ситуацию проверки применимости предиката. Лишь в том случае, если носитель языка способен произвести вывод от суждения формы Pa к суждению формы $это — P$, зная при этом, что $a = это$, можно говорить о предоставлении конечной ситуации удостоверения и тем самым об идентификационном использовании сингулярного термина суждения. Правилосообразная заменимость любого сингулярного термина на демонстративные термины типа «это» «здесь», «сейчас» — вот в чем заключается основа множественной отождествимости одного и того же объекта предикации и основа тем самым тождества утверждения, выражаемого различными по значению предложениями. Очевидно, что выражения «здесь» и «сейчас» не могли бы служить точкой отсчета для дейктической идентификации, если бы они, в свою очередь, не были бы взаимозаменяемы с такими сингулярными терминами, идентификационная функция которых не зависит от наличного положения субъекта, определяемого лишь содержанием его восприятий, а само это положение включает в единую идентификационную систему. Проще говоря, любое *здесь* и любое *сейчас* должно быть определено в отношении вопроса «где здесь?» и «когда сейчас?»

Речь идет о необходимости временно-пространственной локализации, о системе временных и пространственных положений (дат и мест), где каждый момент времени и каждое место пространства однозначно связаны друг с другом и с такими нулевыми точками координат, определенность которых не зависит от какой-либо наличной ситуации, так как наличность сама имеет местоположение в этой системе. Именно временно-пространственная локализуемость наличного положения субъекта создает для него возможность связать то, что находится здесь и сейчас (и поэтому воспринимаемо), с тем, что находится, находилось или будет находиться там и тогда (и поэтому не воспринимаемо), в понятие об одном и том же объекте предикации, сохраняющем свое тождество вне акта восприятия. Поскольку это понятие выражает основополагающую характеристику материального объекта, отсюда следует, что именно материальные объекты являются первичными логическими субъектами эмпирических суждений.

Итак, логическая идея единичного субъекта предикации смыкается с идеей временно-пространственно локализуемого объекта уже на уровне элементарных суждений восприятия: единичность множественно отождествимого объекта восприятия — это единичность объекта, находящегося где-то и когда-то и поэтому связанного пространственными и временными отношениями с тем, что налично здесь и сейчас. Знание же этих отношений первично проявляется не в знании геометрической или хронометрической «аксиоматики», а в знании того, как множественные способы явленности объекта зависят, скажем, от его близости или удаленности по отношению к наблюдателю. Допустим, что остенсивные (феноменальные) характеристики удаляющегося объекта сменяются так, что, скажем, то, что вначале было человеком, превращается в подобие муравья, затем — точки и наконец исчезает; спустя некоторое время все повторяется в обратном порядке. Что запрещает представить эту серию различных феноменальных характеристик одного и того же объекта как серию многих недолговечных объектов или как исчезновение одного и возникновение другого объекта? ИмPLICITное знание принципа, что феноменальные характеристики объекта законосообразно зависят от его пространственного положения по отношению к наблюдателю, в частности, так, что удаляющийся объект не может сохранять свои видимые размеры. Иначе говоря, временно-пространственная определенность объекта априорно налагает ограничения на способ его явленности и сама проявляется тем самым эмпирически: в различии между правилосообразной связью многих остенсивных предикаций, выражающих одно определенное суждение, и бессвязностью тех же предикаций в случае отсутствия временно-пространственных критериев тождества объекта этих предикаций.

Таким образом, уже самое беглое рассмотрение условий воз-

возможности элементарного эмпирического суждения или, что то же самое, того, что заключено в понимании значения любого предложения фундаментальной логической формы, дает основание для некоторых общих выводов. Во-первых, не может быть речи о концептуальном релятивизме, если под ним подразумевается тезис о том, что используемая нами концептуальная система — в аспекте ее категориальной структуры — не является единственно возможной системой «артикуляции» действительности или что ее использование зиждется лишь на случайных критериях «сподручности». Ведь если речь идет о действительности вообще, то идет речь о том, что выражается истинными эмпирическими суждениями вообще — именно поэтому действительность не может быть чем-то отличным от того, что выражают такие суждения в их системной взаимосвязи. Концептуальная система может не соответствовать действительности, быть не сподручной для какого-то опыта — но лишь в том смысле, что какие-то суждения, принадлежащие ей, могут быть ложными. Однако ложность одних суждений может быть установлена лишь на основе предполагаемой истинности других суждений того же класса; именно поэтому невозможна такая вещь, как глобальная ложность всех суждений определенного класса, в частности, класса эмпирических суждений. Аналогичным образом «сподручность» используемой концептуальной системы в отношении «потока опыта» является не просто счастливой случайностью, а необходимым следствием того, что опыт обладает сужденческой формой.

Во-вторых, поскольку самые элементарные эмпирические суждения были бы невозможны без использования категориальных принципов характеристики и индивидуации, конституирующих представление о законосообразном, временно-пространственном мире, последнее не может быть рассматриваемо, вслед за У. Куайном, лишь как «миф физических объектов» наравне с другими мифами. Ведь необходимым условием для мифа является наличие какого-то опыта, а в любом опыте уже используются указанные категориальные принципы. Иначе говоря, поскольку использование категориальной системы законосообразного временно-пространственного мира является необходимым условием возможности опытного знания, это знание возможно лишь как осознание объективного мира.

¹ Quine W. *Word and Object*. Cambridge (Mass.), 1960.

² Rescher N. *Conceptual Idealism*. Oxford, 1973.

³ Rorty R. *Transcendental arguments, self-reference and pragmatism*// Bieri P., Horstmann R.-P., Kruger L. (eds.) *Transcendental Arguments and Science*. Dordrecht—Boston, 1979. P. 77.

⁴ Когда речь идет об утвердительных предложениях, то имеются в виду равным образом и положительные (т. е. без отрицания), и отрицательные (т. е. с отрицанием) предложения. Например, «утверждается, что *p*» и «утверждается, что не-*p*», — оба эти выражения являются утвердительными предложениями.

⁵ Sellars W. *Essays in Philosophy and Its History*. Dordrecht—Boston, 1975. P. 60.

⁶ *Ibid.* P. 327.

⁷ Strawson P. *Semantics, logic and ontology*//*Neue Hefte für Philosophie*. 1975, No 8. P. 6.

⁸ Sellars W. *Science and Metaphysics*. London, 1967. Ch. IV.

⁹ Van Fraassen, Bas. *Theories and counterfactuals*//Castaneda H.—N. (ed.) *Action, Knowledge and Reality*. Indianapolis, 1975, P. 241.

¹⁰ Например, предиката «книга» к отдельным книгам.

ЛОГИКА И МЕТАФИЗИКА В СИСТЕМАХ И. КАНТА И Ф. Г. БРЭДЛИ

И. В. Косич

(Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина)

Настоящая работа не ставит своей целью всестороннее сопоставление философских систем двух мыслителей. То общее и то различное, что имеется между ними, мы намереваемся обнаружить «на стыке» логики и метафизики. Тем самым мы надеемся подтвердить гипотезу, лежащую в основе этой статьи, что характер логики, разделяемой тем или иным философом, в известном смысле определяет характер его метафизики (в самом широком смысле слова). В какой мере справедливо говорить об обратном влиянии, оказываемом метафизикой на логику, в данном случае не представляет центрального интереса.

Мы не пытаемся отстаивать здесь взгляд на Канта ни как на мыслителя метафизического склада в традиционном понимании, ни как на провозвестника некоей новой метафизики, призванной заменить собой «прежнюю» — это было бы довольно наивно. Однако не менее наивно было бы настаивать на полной индифферентности немецкого философа к метафизическим проблемам. На протяжении всего своего творчества он неоднократно заявлял о своем стремлении к построению метафизики, основанной на новых принципах по отношению к предшествующей, рассматривая критику как своеобразное ее преддверие. Более того, есть основания считать, что эта обновленная метафизика выделась им во многом по аналогии с его основной работой — «Критикой чистого разума». В этом плане особого внимания заслуживает собственная оценка Кантом своей главной «Критики», прозвучавшая в его письме к М. Герцу (1781). Немецкий философ характеризует ее как «метафизику метафизик»¹, настаивая тем самым на ее, если можно так выразиться, мета-метафизическом характере, а значит, неизбежно, и на вовлеченности в круг метафизических проблем.

Важнейшее требование, предъявляемое Кантом к метафизике, состоит в том, что она должна быть наукой. В пользу такой возможности свидетельствует ее существование в виде природной склонности: «Метафизика,—полагает немецкий фи-